

«СТАРЫЙ БРОДЯГА» («LE VIEUX VAGABOND»)
П.-Ж. БЕРАНЖЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX ВЕКА

В статье анализируется стихотворение П.-Ж. Беранже «Старый бродяга» («Le vieux vagabond») и три его перевода (Ф. Тютчева, В. Курочкина, М. Михайлова) в жанровом аспекте. В результате анализа вносятся коррективы в интерпретацию жанрового содержания оригинала, показывается роль Беранже в формировании на русской почве площадной инвективы.

Как известно, великий французский поэт Пьер-Жан Беранже (1780-1857) был в России одним из самых популярных и интенсивно переводимых европейских поэтов [1], [2]. Исследовательница проблемы «Беранже в русской литературе» З.А. Старицына показала влияние французского поэта на идейно-эмоциональный комплекс русской поэзии XIX века [3], [4]. Авторы настоящей статьи также интересуются влиянием Беранже на русскую поэзию, но в другом аспекте – в аспекте формирования ее жанрового состава. В частности, в данной работе мы ставим цель показать роль Беранже в создании и функционировании на русской почве жанра инвективы. Для достижения этой цели проанализируем стихотворение Беранже «Старый бродяга» («Le vieux vagabond»), 1833, под углом зрения его жанрового содержания и три русских перевода: «Пришлось кончить жизнь в овраге...» <Из Беранже>, 1833–36, Ф.И. Тютчева; «Старый бродяга», 1857, В.С. Курочкина; «Старик бродяга»; 1862–65, М.Л. Михайлова.

Приводим полный текст стихотворения Беранже.

Le vieux vagabond

Dans ce fossé cessons de vivre; 1
Je finis vieux, infirme et las.
Les passants vont dire : il est ivre!
Tant mieux : ils ne me plaindront pas.
J'en vois qui détournent la tête;
D'autres me jettent quelques sous.
Courez vite; allez à la fête :
Vieux vagabond, je puis mourir sans vous.

Oui, je meurs ici de vieillesse, 2
Parce qu'on ne meurt pas de faim,
J'espérais voir ma détresse

L'hôpital adoucir la fin;
Mais tout est plein dans chaque hospice,
Tant le peuple est infortuné !
La rue, hélas! fut la nourrice :
Vieux vagabond, mourons où je suis né.

Aux artisans, dans mon jeune âge, 3
J'ai dit : Qu'on m'enseigne un métier.
Va, nous n'avons pas trop d'ouvrage,
Rèpondaient-ils, va mendier.
Riches, qui me disiez : «Travaillez»,
J'eus bien des os de vos repas;
J'ai bien dormi sur votre paille :
Vieux vagabond, je ne vous maudis pas.

J'aurais pu voler, moi, pauvre homme; 4
Mais non : mieux vaut tendre la main.
Au plus, j'ai dérobé la pomme
Qui mûrit au bord du chemin.
Vingt fois pourtant on me verrouille
Dans les cachots, de par le roi.
De mon seul bien on me dépouille :
Vieux vagabond, le soleil est à moi.

Le pauvre a-t-il une patrie? 5
Que me font vos vins et vos blés,
Votre gloire et votre industrie,
Et vos orateurs assemblés?
Dans vos murs ouverts à ses armes,
Lorsque l'étranger s'engraissait,
Comme un sot j'ai versé des larmes :
Vieux vagabond, sa main me nourrissait.

Comme un insecte fait pour nuire, 6
Hommes, que ne m'écrivez-vous?
Ah! plutôt vous deviez m'instruire
À travailler au bien de tous.
Mais à l'abri du vent contraire,
Le ver fut devenu fourmi.
Je vous aurais cherché en frères :
Vieux vagabond, je meurs votre ennemi. [5]

В стихотворении Беранже 48 строк, разделенных на шесть восьмистиший. В свою очередь восьмистишия представляют собой два синтаксически завершённых катрена перекрестного рифмования. Обращает на себя внимание графически выделенная последняя строка каждого восьмистишия. Это рефрен, которым, по нашим данным, заканчивается 87,0% песен Беранже. Типично для Беранже также и то, что рефрен, когда он имеется, обязательно завершает строфу и все стихотворение [6]. Семь строк строфы имеют по восемь слогов, восьмая строка – десятислогная (это восьмисложник и десятисложник французского силлабического стихосложения). Таким образом, рефрен выделяется и графически и метрически. При чтении текста по вертикали начала заключительных строк образуют анафору с повтором словосочетания *vieux vagabond* (*старый бродяга*¹), тем самым рефрен перекликается с названием стихотворения и фокусирует внимание читателя на герое стихотворения. В стихотворении «Старый бродяга» рефрен вариативный: вторая часть его маркирует идейно-эмоциональный комплекс строфы и меняется в зависимости от состояния героя.

«Старый бродяга» – образец ролевой лирики, так как стихотворение представляет собой развернутый монолог заглавного героя. На протяжении всего стихотворения старый бродяга – субъект высказывания. Ролевое «я» в формах *я, мне, мой, меня* и соответствующих глагольных формах появляется в тексте 21 раз, относительно равномерно, что усиливает эмоциональность монолога. Переживания героя Беранже передает без соблюдения временной последовательности. Начало стихотворения воспроизводит ситуацию «здесь и сейчас»: герой рассказывает о том, что он «*vieux, infirme et las...*» («старый, немощный и усталый...»), что он «*meurt ici de vieillesse...*» («умирает здесь от старости...»), что «*les passants vont dire : il est ivre!*» («прохожие скажут: «он пьян!») и что они «*ne le plaindront pas*» («его не пожалеют»), они «*detournent la tete...*» («отворачиваются...») или иногда «*jettent quelques sous*» («кидают несколько су»), что

«*la rue, hélas! fut la nourrice ...*» («улица, увы, стала его пиццей»).

Это развернутое описание горя, нищеты и бесправия занимает первые две строфы. Начиная с третьей строфы появляется ретроспективный взгляд на «младой возраст»: «*aux artisans, dans mon jeune age, / j'ai dit : qu'on t'enseigne un metier*» («ремесленникам в младом возрасте / я сказал: «пусть меня обучат ремеслу»...); «*riches, qui me disiez : « travaille », / j'eus bien des os de vos repas; / j'ai bien dormi sur votre paille*» («богачи говорили мне: «работай». / у меня были кости от вашей еды, / я спал в вашей соломе...»). Четвертая и пятая строфы раздвигают хронологические границы. Герой обобщенно говорит обо всей своей жизни, что передается различными формами глагола («*j'aurais pu voler...*» / «я мог бы воровать...») и числительными («*vingt fois pourtant on te verrouille ...*» / «двадцать раз, однако, меня сажают ...»), подчеркивающими многократность происходящих с ним несчастий. Последняя строфа объединяет временные пласты, сопрягает реальное с гипотетическим и заканчивается горьким мотивом крушения гуманных надежд с лаконичной констатацией социальной враждебности:

*Je vous aurais chéris en freres :
Vieux vagabond, je meurs votre ennemi.*

*Я бы любил вас, как братьев:
Старый бродяга, я умираю вашим врагом.*

Отмеченные этапы в развитии переживаний героя маркируются рефренами: «*Старый бродяга, я могу умереть без вас*»; «*Старый бродяга, умрем, где я родился*»; «*Старый бродяга, я вас не проклинаяю*»; «*Старый бродяга, солнце принадлежит мне*»; «*Старый бродяга, его рука меня кормила*»; «*Старый бродяга, я умираю вашим врагом*». В вариативной части рефрена всякий раз появляется ролевое «я». И тем не менее, главным структурным признаком анализируемого стихотворения является не только, а точнее, не столько эготивность текста, сколько его апеллятивность (термины «эготивность» и «апеллятивность» – Ю.И. Левина) [7]: моно-

¹ Подстрочный перевод стихотворения Беранже выполнен одним из авторов статьи – О.В. Семеновой.

лог бродяги обращен к конкретному адресату, представленному в форме местоимений *вы, вас, ваши, вашим* («*J'eus bien des os de vos repas*» / «У меня были кости от вашей еды»; «*J'ai bien dormi sur votre paille*» / «Я спал в вашей соломе»; «*Vieux vagabond, je ne vous maudis pas*» / «Старый бродяга, я вас не проклинаю»; «*Hommes, que ne t'ecraisez-vous?*» / «Люди, что не раздавили вы меня?») и соответствующими формами глагола («*Courez vite; allez a la fete*» / «Спешите! Идите на праздник!»). В отдельных случаях *вы* сменяется формой третьего лица множественного числа («*les passants vont dire : il est ivre!*» / «прохожие скажут: «он пьян!»; «*ils ne me plaindront pas*» / «они меня не пожалеют»).

Кто скрывается за местоимением второго лица множественного числа – *вы*? Содержание монолога старого бродяги говорит о том, что *вы* – это «богачи» («*riches, qui me disiez...*» / «богачи говорили мне...»). Если в третьей строфе «богачи» – это обобщенное название того, кого бродяга в конце монолога назовет своим врагом («*Vieux vagabond, je teurs votre ennemi*»), то в отдельных строках общее понятие «богачи» дифференцируется на отдельные социальные группы: в третьей строфе это ремесленники («*aux artisans... / j'ai dit*» / «ремесленникам... / я сказал...»), в пятой строфе это помещики («*que me font vos vins et vos bles...*» / «что сделали мне ваши вина и хлеба...»), капиталисты-промышленники («*...votre industrie...*» / «...ваша промышленность...»), политики («*...vos orateurs assembles...*» / «...ваши выступающие ораторы...»), военные («*votre gloire...*» / «ваша слава...»). Характеристика им фактически не дана, но можно отметить две их общих приметы: они богаты и они равнодушны к нищете и страданиям ролевого героя. Именно поэтому они ему враждебны. На наш взгляд, в стихотворении дано реальное противостояние героя и «богачей». Это противостояние создается за счет насыщенности текста эготивными и апеллятивными элементами. Уже в первой строфе старый бродяга не просто сетует на жизнь («*dans ce fosse cessons de vivre; / je finis vieux, infirme et las...*» – «в этой яме кончим жить; / я умираю старым, немощным

и усталым...»), но и делает эмоциональный выпад против богачей: жалоба сменяется сарказмом («*courez vite; allez a la fete...*» – «спешите! идите на праздник!..»). Эти гневные выпады в адрес богачей («*j'eus bien des os de vos repas; / j'ai bien dormi sur votre paille...*» – «у меня были кости от вашей еды, / я спал в вашей соломе...») появляются в каждой строфе, и обличаемый адресат включается в заключительный рефрен («...старый бродяга, я умираю вашим врагом.»). Эмоциональная направленность стихотворения (жалоба на жизнь и выпады против обидчиков) и особенности его структуры (монологичность высказывания героя, эготивность и апеллятивность текста) позволяют квалифицировать это стихотворение Беранже как ролевою инвективу².

Исследователь жизни и творчества Беранже Ю. Данилин, интерпретируя «Старого бродягу» в контексте других песен Беранже («Жак», «Рыжая Жанна»), утверждает, что «...герои трех этих песен <...> пассивные жертвы существующего строя, покорные своей тяжелой доле, подавленные, не верящие в лучшее будущее и совершенно не способные к борьбе» [10]. Наша трактовка «Старого бродяги» как инвективы позволяет нам не согласиться с мнением авторитетного ученого. Да, старый бродяга заканчивает жизнь в овраге и уныло, с нотами примирения, произносит: «...*Спешите! идите на праздник!..*», но его обращение прямо «в лицо» к обидчикам говорит о гордости, смелости, несломленности героя, а последнее заявление содержит скрытую угрозу.

Проанализированная ролевая инвектива имеет общечеловеческие гуманистические мотивы (сочувствие угнетенности, нищете, бесправию), которые, по всей видимости, и вызвали интерес упомянутых выше русских поэтов – Ф.И. Тютчева, В.С. Курочкина, М.Л. Михайлова. Кроме того, их внимание могла привлечь и своеобразная форма монолога ролевого героя с включением реплик других персонажей. Осмысление переводов Тютчева, Курочкина и Михайлова позволяет сделать следующие выводы.

Переводчики сохраняют, как правило, объем и строфическую организацию текста.

² Об инвективе см. в работах С.А. Матяш [8], [9].

Исключение составляет «Старый бродяга» Курочкина, строфа которого содержит девять строк, включающих три трехстишия, связанных сквозной мужской рифмой (ААБВВБГГБ), что увеличивает общий объем с 48 до 54 строк:

*Яма эта будет мне могилой.
Умираю немощный и хилый...
Здесь толпа беспечная пройдет;
Скажут: пьян, должно быть, с горя, бедный!
Кто добрее, грош мне бросит медный
И глаза, краснея, отвернет...
Что жалеть? Венчайтесь цветами!
А бродяга старый в этой яме
Без участия вашего умрет. <...> [11]*

Рефрен Беранже заметили Тютчев и Михайлов: они маркируют последнюю строку графически и метрически. Основной текст написан у них четырехстопным ямбом, рефрен – пятистопным ямбом.

*Пришлось кончить жизнь в овраге:
Я слаб и стар – нет сил терпеть!
«Пьет, верно», – скажут о бродяге, –
Лишь бы не вздумали жалеть!
Те, уходя, пожмут плечами,
Те бросят гривну бедняку!
Счастливый путь, друзья! Бог с вами!
Я и без вас мой кончить век могу! <...> (пер.
Ф.И. Тютчева)[12]*

Наиболее близкий оригиналу перевод рефрена принадлежит Михайлову, поскольку, во-первых, переводчик сохраняет прием вариативности рефрена, во-вторых, прием анафоричности, когда в начало строки выносятся словосочетание «старик бродяга», повторяющийся, как у Беранже, название стихотворения.

*Я стар и хил; здесь у дороги,
Во рву придется умереть.
Пусть скажут: «Пьян, не держат ноги».
Тем лучше, – что меня жалеть?
Один мне в шапку грош кидает,
Другой и не взглянув идет.
Спешите! Пир вас ожидает.
Старик бродяга и без вас умрет. <...> [13]*

У Тютчева выделенная графически и метрически заключительная строка имеет разное лексическое наполнение, поэтому воспроизведение этого приема Беранже не точное, а Курочкин вообще отказывается от рефрена и меняет метрическую форму всего текста; его перевод выполнен пятистопным хореем («Уходили горе, старость, злоба / И шатанье впроголодь до гроба!.. / Целый год мечтал я об одном: / Умереть бы только на постели – / Нет больницы, где б меня призрели... / Говорят: наполнены битком...»).

Русские переводчики воспроизводят основные вехи монолога заглавного героя, сохраняя характер временной организации. Наибольшее отклонение от оригинала наблюдается в переводе Курочкина, который делает своего героя страдающим вором поневоле («Воровать и грабить приходилось... / Да на сердце совесть шевелилась...»).

Стихотворение Беранже помимо отмеченных выше общечеловеческих мотивов содержало реалии французской жизни: указание на денежную единицу Франции («...*te jettent quelques sous*» – «кидают мне несколько су...»), на характер производства («*Que te font... votre industrie...*» – «Что сделала мне... ваша промышленность...»), на исторический прецедент сдачи города врагу («*Dans vos murs ouverts a ses armes, / Lorsque l'etranger s'engraissait...*» – «В ваших стенах, открытых врагам, / Когда чужестранец жирел...»). Все русские переводчики упоминают в пятой строфе о сдаче родного города врагу, а остальные реалии заменяют; например, вместо су появляется грош у Михайлова («Один мне в шапку грош кидает...») и Курочкина («Кто добрее, грош мне бросит медный...»), гривна – у Тютчева («Те бросят гривну бедняку!..»).

Русскими переводчиками, в особенности Тютчевым и Михайловым, была воспроизведена субъектная организация текста. Показатели эготивности в оригинале и переводах близки: если у Беранже субъект формами местоимений и глагола маркирован 21 раз, то у Тютчева – 18, у Михайлова – 20; у Курочкина аналогичный показатель равен 13. Столь же явно следование оригиналу в передаче местоимений второго лица, обозначающих «ненавистных богачей». Если у Бе-

ранже адресат выражается формами местоимений и глагола 14 раз, то у Тютчева и Михайлова – соответственно – 14 и 12 раз. У Курочкина адресат вводится значительно реже – 8 раз. Эти данные (с учетом адекватной передачи мотивной структуры) свидетельствуют о том, что в переводах сохранено жанровое содержание произведений: и стихотворение «Пришлось кончить жизнь в овраге...» Тютчева, и «Старик бродяга» Михайлова, и «Старый бродяга» Курочкина являются инвективами. По всей видимости, обращение к стихотворению Беранже явилось благоприятным поводом для создания произведений со сдержанной лирической агрессией; более того, эта лирическая агрессия в переводах оказалась усиленной. Как мы отмечали, стихотворение Беранже заканчивается констатацией социальной враждебности и скрытой угрозы. В переводе Тютчева в восьмой строфе появляется проклятие:

Днесь при смерти бродяга вас клянет! <...>

Этот же мотив проклятия возникает и у Михайлова.

Старик бродяга проклиняет вас! <...>

В Переводе Курочкина проклятье заменяется призывом мщения.

Призываю мщенье на людей! <...>

Чем можно объяснить появление данных мотивов сразу у всех переводчиков? Заимствование следует исключить, поскольку стихотворение Ф.И. Тютчева, датированное 1833-36 гг., было впервые опубликовано только в 1926 году [12, 428]. Очевидно, появление дополнительного мотива проклятия и мщения связано с традицией русской высокой инвективы (см., например, «Пророчество», 1822, «Проклятие», 1822, В. Кюхельбекера, «На

смерть Пушкина», 1837, Э. Губера и др.), которая восходит к библейским псалмам, о чем в свое время писала С.А. Матяш [8, с. 28-31], а также, возможно, к архетипам народного сознания, о чем писала А.С. Краковяк [14, с. 99-100]. Согласно современной типологии инвективы [15] у Беранже инвектива – не высокая, а низкая, площадная. Признаки площадной инвективы проявляются в просторечной лексике монолога заглавного героя («*Comme un sot j'ai verse des larmes...*» / «*Как дурак я проливал слезы...*»), а также в репликах эпизодических персонажей («*Les passants vont dire : il est ivre!*» – «*Прохожие скажут: «Он пьян!»*»; «*Va, nous n'avons pas trop d'ouvrage...*» – «*Иди, у нас и так нет работы*»). В переводе Тютчева бытовое начало уменьшено: выражение «*Как дурак я проливал слезы...*» заменяется на «*Глупец, я плакал, раздраженный*», а в переводах Курочкина и Михайлова просторечно-бытовое начало сохраняется, а местами усиливается: «*И пошел каничить, по дороге*»; «*Поил-кормил гостей чужих*» (у Курочкина) и «*Нет, лучше по миру собирать*»; «*Двадцать раз, никак, был заключен!*» (у Михайлова). Таким образом, в переводах мы имеем площадную инвективу с элементами высокой.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сказать, что анализ структуры оригинала и трех переводов в аспекте жанрового содержания, во-первых, позволил внести коррективы в интерпретацию самого произведения Беранже, что в перспективе может способствовать установлению для него новых контекстов; во-вторых, сделать вывод о том, что «Старый бродяга» стал импульсом для формирования на русской почве площадной инвективы; в-третьих, установить факт, что Тютчев, Курочкин, Михайлов воспроизводят в своих переводах не все элементы структуры инвективы оригинала, а только константные и доминантные, что может представить интерес для теории и истории перевода.

Список использованной литературы:

1. Лотман, Л.М. Демократическое направление в русской поэзии 50-70 годов. / Л.М. Лотман. // История русской поэзии в двух томах. – Л.: Наука, 1969, Т. 2. – С. 89-90 и др.
2. Ямпольский, И.Г. Поэты «Искры». Середина века: Очерки о русской поэзии 1840-1870 гг. / И.Г. Ямпольский. – Л.: Худож. лит., 1974. – С. 216-228.

-
3. Старицына, З.А. Беранже в русской литературе. / З.А. Старицына. – М.: Высш. школа, 1980. – 188 с.
 4. Старицына, З.А. Беранже в России. XIX век. / З.А. Старицына. – М.: Высш. школа, 1969. – 196 с.
 5. Семенова, О.В. О рефренах песен Беранже. / О.В. Семенова. // Вестник ОГУ. – 2007. №11 (в печати).
 6. P.-J. Veranger. Oeuvres choisies. // Сост. З.А. Старицына. – М.: «Прогресс», 1980. – С. 194-195.
 7. Левин, Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. / Ю.И. Левин. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 464-480.
 8. Матяш, С.А. Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса. / С.А. Матяш. // Феномен русской классики: Сб. статей / Отв. ред. Ф.З. Канунова. – Томск.: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – С. 17-32.
 9. Краковяк, А.С., Матяш, С.А. Проблема жанра инвективы в свете системно-субъектного подхода (на материале русской и польской поэзии периода Второй мировой войны). / А.С. Краковяк, С.А. Матяш. // Проблемы поэтики и истории русской литературы XIX-XX веков. – Самарский университет, 2005. – С. 70-75.
 10. Данилин, Ю.И. Беранже и его песни. Критико-биографический очерк. / Ю.И. Данилин. – М.: Худож. лит., 1973. – С. 218.
 11. Поэты «Искры» в двух томах. Т.1. В.С. Курочкин. – Л.: Сов. писатель, 1987. – С. 233-234.
 12. Тютчев, Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т.1. Стихотворения 1813-1849. / Ф.И. Тютчев. / Сост., подгот. текстов, комментарии В.Н. Касаткиной. – М.: Центр Классик, 2002. – С. 233-234.
 13. Майков, М.Л. Собрание стихотворений. / М.Л. Майков. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.Д. Левина. – Л.: Сов. писатель, 1969. – с. 461-462.
 14. Краковяк, А.С. Архетипы сознания и литературный жанр: в поисках источников жанра инвективы. / А.С. Краковяк // Вестник ОГУ. – 2006. №11. – с. 93-101.
 15. Краковяк, А.С., Матяш, С.А. Типология русской и польской инвективы периода Второй мировой войны. / А.С. Краковяк, С.А. Матяш. // Литература в контексте современности / Материалы II Международной науч. конф. – Челябинск, 2005. – С. 167-171.